

Открытая кафедра

13 апреля 2006 г. прошло заседание Открытой кафедры МосГУ, на которой выступил вице-президент Российской академии наук, академик РАН А. Д. Некипелов с докладом «Российская экономика: выбор путей развития».

Заседание открыл ректор МосГУ И. М. Ильинский, который рассказал студентам об истории создания Открытой кафедры университета, где все имеют возможность напрямую общаться с крупными государственными и общественными деятелями, выдающимися учеными, деятелями культуры и искусства. «Цель таких встреч — создать свое собственное представление об этих людях, не искаженное общественным мнением или средствами массовой информации, получить ответы на самые актуальные и острые вопросы из первых уст», — отметил И. М. Ильинский.

Публикуем стенограмму доклада А. Д. Некипелова.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ
Экономика
России: выбор
путей развития

Сейчас, как мне кажется, и целом в обществе, и среди экспертов зреет понимание то-

го, что мы находимся на ключевом этапе развития, и поэтому проблемы глобального уровня, определяющие путь развития России вообще и российской экономики в частности, привлекают большой интерес. Отчасти здесь свою роль играет и конъюнктурность ситуации, связанная с тем, что в 2008 г. предстоят президентские выборы. Это всегда является предпосылкой для обсуждения такого рода вопросов. Но, кроме того, несомненно, есть ощущение того, что и по сути дела этот круг вопросов является очень важным.

Все мы представляем, что происходит в современной России. Но я напому некоторые моменты, чтобы было от чего оттолкнуться в рассуждениях.

После оглушительного обвала 1990-х годов мы уже восьмой год — что конечно, немало — живем

в условиях экономического роста. 1999 год был первым годом экономического роста, и с тех пор показатели (а они неодинаковы, колеблются по годам) в целом выглядят достаточно прилично. Если сравнивать с общемировыми цифрами, Россия находится на вполне достойном месте с точки зрения динамики экономического роста, темпов роста уровня жизни. Всем известно, что в последние годы в страну поступает огромное количество валюты, что у нас колоссальный актив платежного баланса, в первую очередь торгового баланса. Страна уже целых пять лет живет в условиях значительного профицита бюджета, т. е. доходы государства значительно превышают расходы, между тем как большинство стран мира живет в услови-

ях дефицита, а одним из наиболее известных заемщиков в мире являются США, где большой двойной дефицит — и бюджета, и торгового баланса. У нас же очень быстро накапливаются валютные резервы, их количество перевалило за 200 млрд долл., чего еще пять лет назад невозможно было себе представить. Тогда всем казалось (и мне в том числе), что стоит очень серьезная проблема того, как избежать дефолта по внешним финансовым обязательствам. Сегодня эта проблема полностью снята на обозримый период времени. Относительно небольшая безработица в 7% считается по европейским меркам низким уровнем, во всей Европе этот показатель существенно выше. Итак, все показатели очень симпатичные, хорошие, все вроде бы замечательно...

И, тем не менее, есть нечто, что вызывает озабоченность, требует осмысления и, возможно, внесения серьезных корректировок. Я не претендую на то, чтобы привести исчерпывающий список наших проблем. Назову самые очевидные, которые на устах у всех. Это конечно, усиливающаяся зависимость экономики от сырьевого сектора — очень высокая зависимость, которая продолжает возрастать. По-прежнему очень низким, по международным стандартам, остается уровень инвестиционной активности. Хотя он возрастает, инвестиций все больше год от года, и темпы здесь достаточно приличные. Только не надо забывать, что за 1990-е годы уровень инвестиционной активности у нас упал на три четверти и поэтому, когда мы имеем темпы инвестиционной активности в районе 10%, то надо представить, сколько лет требуется, чтобы вернуться к тому периоду, от которого мы начали движение вниз. Если брать показатель отношения валовых инвестиций к валовому внутреннему продукту, то он относительно скромнен до сих пор, в районе 19%, что немного, и особенно немного для нас сегодня, потому что за период 1990-х годов произошла очень серьезная деградация потенциала страны. Поэтому страна нуждается в очень серьезных инвестициях для того, чтобы возродить, а кое-где

просто создать заново экономический потенциал.

Серьезные проблемы у нас в социальной сфере, хотя показатели и реальной зарплаты, и реальных доходов, как свидетельствует статистика, достаточно быстро улучшаются. Но при этом все это происходит на фоне небывалой, прямо-таки латиноамериканской дифференциации доходов, что само по себе является колоссальной проблемой. Есть исследования, что при превышении некой точки уровня дифференциации доходов этот фактор из фактора, способствующего росту, превращается в фактор, ограничивающий рост. Это такая достаточно узкая экономическая трактовка. Но, помимо прочего, это создает колоссальные проблемы и напряженность в обществе. Тесно связан с этим вопрос о значительной экономической дифференциации по регионам. Да, сейчас экономический рост имеет место практически по всей территории страны, но в очень разной степени. Мы все прекрасно знаем, путешествуя по стране, что ситуация далека от идиллии.

И конечно, когда я говорил о том, что мы все более становимся зависимыми от сырьевого сектора экономики, обратная сторона в том, что мы очень много потеряли в высокотехнологичном производстве, в сфере науки. Фактически у нас сейчас нет целого сектора науки — прикладного. Раньше, в советское время, структура финансирования науки была такой: 5% общего финансирования науки составляла Академия наук, 3% — вузы, все остальное — прикладная наука. Речь идет не только о финансировании из бюджета, но из всех источников, включая промышленные заказы и т. д.

Сегодня на Российскую академию наук приходится примерно треть всех ассигнований на гражданскую науку. Впору было бы хвастаться этим, поскольку я представляю РАН. Но фактически это — результат разгрома прикладной науки, который произошел не в силу того, что кто-то громил эту науку, а в силу того, что реформы проводились таким образом, что исчез спрос на деятельность в этой области, она просто умерла, или

почти умерла. Кое-что, конечно, осталось, но, грубо говоря, можно сказать, что у нас прикладной науки сегодня нет как самостоятельного сектора.

И что касается трети, которая приходится на РАН, я хотел бы показать, чтобы было понятно, сколько это в абсолютных цифрах. В этом году финансирование Российской академии наук составляет порядка 25,2 млрд рублей, т. е. меньше 1 млрд долл. Для сравнения, в США нет ни одного хорошего университета, у которого бюджет составлял бы менее 1 млрд долл. А вообще, настоящий, хороший университет имеет годовой бюджет в 2–3 млрд долл.. Если вы примете во внимание, что в РАН работает 450 исследовательских институтов, которые являются «бриллиантами», хотя процесс деградации затронул и сферу фундаментальных исследований, то вы можете представить развитие по уровню финансирования этих видов деятельности — науки и высокотехнологичного производства. Причем эти виды деятельности тесно связаны. Зачем нужна фундаментальная наука стране, в которой нет высокотехнологичного производства? Это значит, выбрасывать деньги на ветер.

И здесь возникает очень сложный вопрос. Перспективы нашего развития зависят от того, к чему мы стремимся. Если мы стремимся к высокому темпу роста ВВП, независимо ни от чего другого, тогда по законам рыночной экономики нам надо целиком сконцентрироваться на сырьевых ресурсах, потому что это сфера, где мы получаем наибольшую отдачу. Конечно, при этом возникают огромные структурные и социальные проблемы — как сделать, чтобы люди, не занятые в этой сфере, просто не вымерли. Это технически сложные, но решаемые проблемы. Если брать такой курс и говорить, что единственное, что нас интересует, это уровень ВВП на душу населения, тогда нужна политика еще большего перетока ресурсов в ту сферу, которая дает наибольшую отдачу. И зачем такой стране нужна Академия наук? Ей будут нужны некоторые виды прикладных исследований, связанные с добыча-

ющей отраслью. С другой стороны, если есть некие амбиции, если есть желание вернуться в круг стран, которые участвуют в закладывании цивилизации будущего, то и политика должна быть другая. Тогда ВВП должен расти, но это не самоцель, и есть ограничители — условия, которые должны считаться необходимыми. Допустим, необходимо, чтобы не происходило дальнейшего сползания в топливно-сырьевую специализацию страны, чтобы развивались высокотехнологичные отрасли. Необходимы условия, которые должно сформулировать само общество. В социальной сфере: какой уровень доходов и дифференциации мы считаем нормальным, а какой нет, и т. д. Поиск ответов на такие вопросы, как мне кажется, и ведут различные силы в обществе, в том числе, политические.

Я попытаюсь сейчас показать на одном примере, что из абстрактной, фундаментальной науки вытекают очень серьезные практические выводы. Или, по крайней мере, если они и не вытекают прямо, то создаются некоторые рамки, в которых легче анализировать соответствующие вопросы. В экономической теории есть такая загадочная теория (она, собственно, выходит за рамки чисто экономической теории), как теория группового, или социального, выбора. Простейшая проблема. Есть некая группа, неважно, общество рыболовов или глобальная экономика. Она состоит из какого-то числа участников — индивидуумов, у каждого из них есть какая-то система предпочтений, предпочтений, вкусов. Кстати говоря, экономическая наука хорошо умеет оперировать категориями индивидуального выбора, здесь разработаны глубокие конструкции, хорошо работающие и подтверждающиеся на практике. Возникает вопрос: есть несколько человек, составляющих группу, у каждого из них есть система предпочтений, а можно ли, зная систему предпочтений этих отдельных людей, сформулировать предпочтение группы в целом? На этой простенькой проблеме было получено как минимум три Нобелевские премии. Все американцы — Бьюкенен, Кен-

нет Эрроу, Амартья Сен, американец индийского происхождения. К. Эрроу доказал теорему, которую он назвал «теоремой о возможности», а все остальные предпочитают называть ее «теоремой о невозможности». Причем он доказал ее, и экономическая теория оказалась в длительном кризисе, который не преодолен и до сих пор. Я не буду вдаваться в детали, но суть этого доказательства в том, что если исходить из неких утверждений, то оказывается, что для того, чтобы получить нормальную систему предпочтений у группы при тех условиях, о которых я говорил, нужен диктатор, без диктатора невозможно построить консистентную, внутренне непротиворечивую систему предпочтений. Конечно, К. Эрроу меньше всего хотел обосновывать необходимость диктаторов, но это чисто математическая теорема, она строго доказывается, многократно была проверена, никем не оспаривается, работа идет только в отношении того, чтобы изменить те или иные условия и посмотреть, что при этом будет получаться.

Самым известным проявлением этой теоремы является проблема парадокса голосования. Показывается, что есть три человека и им нужно сделать выбор из трех событий, а у них предпочтения строятся таким образом, что первый человек предпочитает событие *a* событию *b*, а событие *b* событию *c*, второй предпочитает событие *b* событию *c*, но событие *c* предпочитает событию *a*, и третий тоже так же сдвигается. В итоге оказывается, что выбор будет зависеть от того, в какой последовательности ставятся на голосование эти альтернативы. Значит, нет однозначного результата, он может быть разным в зависимости от процедуры голосования. Это и означает, что нет такой консистентной системы предпочтений в данном случае, по крайней мере, данный механизм не подходит для этого.

Черчилль говорил о том, что демократия это такой неважный механизм, но лучше ничего не изобрели. Многие считают, что он говорил это для красного словца, но здесь есть очень глубокая мысль. Теоретически

когда мы говорим, чего хочет общество, то нет какого-то однозначного, абстрактного ответа. Теоретически можно сказать так: у общества есть некие ресурсы, и задача заключается в том, чтобы распределить их таким образом, чтобы максимизировать благосостояние общества. Это все правильно, но очень трудно понять, что такое благосостояние общества, как его формализовать. Одному кажется, что сегодня самое главное — это проблема дифференциации доходов, другому — что развитие фундаментальной науки, третьему еще что-то, и все это относится к категории так называемых нормативно-ценностных суждений. И наука доказать, какое из этих суждений является правильным, а какое — нет, не может, как не можем мы с вами спорить и о вкусах (у каждого есть свои вкусы, но спорить о них невозможно).

Но, тем не менее, несмотря на все эти проблемы чисто теоретического свойства, совершенно ясно, что стране все равно нужно делать выбор и в соответствии с этим выбором строить экономическую политику. Здесь огромное значение имеет то, как общество, большинство этого общества видит будущее своей страны. Будущее, образ будущего имеет колоссальное значение с точки зрения принятия решения о том, какую политику проводить. Потому что абстрактно лучшей политики для всех ситуаций не существует. Думать иначе — это очень большое заблуждение. Стратегия и политика прямо зависят от того, какие цели ставятся, при одних целях это одна политика, при других — совершенно другая. Отсюда вытекает и огромная важность для экономического развития эффективного функционирования политической системы, потому что политическая система является той сферой, которая призвана выявлять общественные предпочтения. И если она работает плохо и в ней есть сбой, то это не только вопрос политиков, это на самом деле вопрос нас всех. Это означает, что деформации подвергаются представления общества о том, чего оно хочет, а чего нет, и, соответственно, принимаются решения, которые приводят к резуль-

татам, которые зачастую общество не устраивают.

Что делается сейчас? У правительства позиция меняется. Причем, на мой взгляд, меняется в положительную сторону, но очень медленно. Кажется, хорошо, что многие люди из тех, кто входит в правительство, учатся, но дешевле было бы их обучить как-то иначе. Некоторое время назад, люди, которые входят в правительство, отказывались обсуждать, например, проблему промышленной политики. Был модным тезис, что лучшая промышленная политика — никакой промышленной политики. Рынок — замечательный механизм, он все отрегулирует, а любая промышленная политика — это деформация рынка. О том, где рынок силен и где нет, я сейчас рассуждать не буду, это особая проблема, очень серьезная и сложная. Я хочу сказать, что на одном из последних заседаний правительства рассматривался вопрос о перспективах развития сельскохозяйственного машиностроения. Выступал министр промышленности Христенко. Я считаю, что это фантастический сдвиг, потому что два-три года назад невозможно было представить, чтобы правительство «опустилось» до обсуждения такой конкретной проблемы. Довольно много делается в плане совершенствования институтов рыночной экономики. Вообще, сам факт, что этим занялись, — очень позитивный, потому что те последствия, которые мы имеем от реформирования в 1990-е годы, в значительной степени связаны с непониманием глубины проблемы институционального совершенствования экономики. Тогда надежды связывались с методами, которые действительно эффективны в условиях развитой рыночной экономики, но которые не дают отдачи, а часто просто ведут к совершенно неожиданным результатам в условиях экономики институционально неразвитой (а она и не могла быть развитой институционально в тот период).

Представьте себе город, в котором есть светофоры с красным, желтым, зеленым цветами, есть участники движения. Светофоры

сами по себе замечательно отлажены, только вот участники движения при этом дальтоники, не различают цветов... Примерно то же происходит у нас. Поэтому сдвиг в сторону работы с институтами очень важен.

Но в конкретных вещах есть очень много проблем, что меня особенно беспокоит. У нас есть какое-то удивительное пристрастие к лозунгам. Есть сложная проблема, и, кажется, что она имеет очень простое решение. Одним из важнейших институтов рыночной экономики является само государство. Что делается в плане совершенствования этого института? Вы знаете, что сейчас у нас есть такой лозунг: «Бюджетирование, ориентированное на результат». Нам говорят следующее: «Какая глупость была в стране, когда учреждения финансировались по смете. Это значит, что людям платили деньги не за то, что они делали, а за то, что они приходили на работу. Но сейчас мы прозрели и будем платить за результат. И нужно организовать бюджетирование, ориентированное на результат». Я достаточно хорошо знаю экономическую теорию и ее историю, и, честно говоря, нигде не встречал утверждения, что мне надо сокращать издержки на единицу полезного результата. Все понимали, что если есть возможность платить сдельно, то надо и платить сдельно, а не повременно. И, тем не менее, повременная заработная плата повсеместно сохранялась, как и различные комбинации сдельной и повременной заработной платы. Это происходило не потому, что люди никак не могли прийти до этой идеи, предложенной нашими реформаторами, а потому, что понимали, что есть разные виды деятельности и в некоторых из них определение результата — вещь очень сложная. Потому что если человек должен выполнять целый ряд разных функций, то попытка создать какой-то один показатель будет все время приводить к перекосам в сторону показателя, который вы создали.

Представьте себе простой пример, скажем, секретаря. У секретаря очень много функций: он должен и по телефону отвечать, и документы подбирать, и кофе готовить.

Если вы попытаетесь увязать его оплату с результатом, то у вас получится, что он у вас будет либо только кофе готовить, либо только по телефону говорить и т. д. Миллионы людей в стране выбивает из колеи то, что их заставляют искать некие показатели. Сколько мы в советское время искали оптимальные показатели? А потом приходили к тому, что нет-таки чудодейственных показателей, что нужна система, что нужно «гибко реагировать» и т. д.

Представьте себе фундаментальную науку. Если бы было заранее известно, какой и когда будет результат, то она была бы просто не нужна. В этом-то и проблема, что степень неопределенности здесь фантастическая. Когда одного американского ученого, имевшего отношение к проблеме разработки термоядерного оружия, спросили, когда мы им овладеем, он ответил: «Через 20 лет». Когда прошло 20 лет, его вновь спросили: когда? Он ответил: «Я же говорил: через 20 лет». Это к вопросу о том, что стремление примитивизировать, искать простые решения приводит к очень большим потерям. Конечно, люди приспособятся к самым глупым решениям, найдут возможность их обходить, разработают миллионы этих показателей, но всем понятно, что это будет чистая халтура. Дело даже не в этом. Количество людей оказываются выбитыми из нормальной работы, вынуждены заниматься тем, чем никогда не пришлось бы заниматься, если бы люди, которые это придумывали, немного представляли бы предмет, где они дают рекомендации.

И, наконец, последний вопрос, который мне хотелось бы отметить, — о стабилизационном фонде. Идут постоянные дискуссии о том, что с ним делать. Моя позиция такова. Тратить стабфонд в рублях внутри страны не следует, потому что средства туда попадают именно для того, чтобы их не было в экономике, чтобы сдерживать инфляцию. Но это не означает, что его не нужно тратить. Напротив, тратить нужно, но совершенно иным способом. Проблема заключается не в стабилизационном фонде, а в быст-

растающих валютных резервах, отражением которых фонд и является. Что означает быстрорастущие валютные резервы? До определенного момента, когда они росли, это было замечательно, потому что до 1998 г. у нас не было валютных резервов и в этом смысле страна была очень уязвима по отношению к всякого рода валютным проблемам.

Но валютные резервы — это такая вещь, которыми Центральный банк управляет очень консервативно, как и любой другой центральный банк. Что значит консервативно? Он вкладывает их в бумаги с высокой надежностью и абсолютной ликвидностью, т. е. те, которые можно в любой момент превратить обратно в деньги. Но в силу того, что это такие замечательные бумаги, у них практически нулевая процентная ставка. И для хранения классических валютных резервов это абсолютно правильно. Потому что валютные резервы — это как подушка безопасности на валютном рынке, чтобы в любой момент можно было валюту на рынок выбросить. Но по оценкам специалистов, в стране оптимальный объем валютных резервов составляет 50–60 млрд долл. Из этого вытекает, что примерно 150 млрд долл. есть сверх этого нормального уровня. А они управляются ЦБ так же, как и обычные, т. е. приносят 1,5–2%. Что это означает?

Возьмите цифру 140 млрд долл. Норвежский фонд будущих поколений, куда тоже идут валютные резервы, дает отдачу около 9% в год. А мы на эти 140 млрд получаем 2% в год. Получается 7% разницы. А что такое 7% разница на 140 млрд? Если перемножим, то получим почти 10 млрд. То есть 5–10 млрд в год мы не дополучаем. Это упущенная выгода от того, что ресурсы используются не так, как они должны были бы использоваться. Что можно сделать? Можно сделать многое.

Вначале у нас говорили, что стабфонд никак нельзя использовать, позже стали использовать валютные резервы для погашения задолженности. Но любому человеку понятно, что если у вас есть долг в 100 рублей, и у вас есть сегодня 100 рублей, и проценты по вашему долгу составляют 5%, и вы со-

своих 100 рублей можете заработать 5, то, конечно, лучше не расплачиваться со своим долгом сегодня, а заработать свои 5 в следующем году и т. д., потому что вы просто выиграете при этом. Я не берусь утверждать, насколько это правильно, но это лучше, чем просто держать их в бумагах американского казначейства.

Другой вариант, который известен со времен революции цен на мировом рынке 70–х годов прошлого века. Тогда тоже был резкий всплеск цен на нефть, арабские страны получали огромные доходы и не могли освоить эти доходы полностью в своей стране, они вкладывали их в другие страны, в Европу, Америку и т. д. Тогда же появились так называемые евродоллары. Так они зарабатывали и в дальнейшем заработанные деньги направляли в свою экономику. Сейчас министр финансов сказал, что в принципе это возможно, но мы еще к этому немного поготовимся. Но уже «возможно», хотя недавно все это казалось глупостью.

Есть и третий вариант, связанный с использованием этих ресурсов для внутренних целей. Идея заключается в том, что нужно превратить эти деньги в импорт, но, обходя

валютный рынок, чтобы не влиять на валютный курс. Как это сделать? Самый простой способ: государство импортирует что-то за эти доллары. Это возможный способ, но сфера его применения относительно узкая. Можно было бы, например, для той же Академии наук обновить оборудование, что было бы совсем неплохо, или обновить оборудование для государственного сектора медицины. Но есть возможность создать и сугубо коммерческий механизм использования этих средств. Идея заключается в том, чтобы государство создало финансовый институт, стабфонд обменяло на валютные резервы. Правительство купило бы напрямую у ЦБ валюту и наделило бы этой валютой финансовый институт, который бы предоставлял долгосрочные валютные кредиты на цели реализации модернизационных проектов. Ни одного рубля при этом не прибавилось бы внутри страны, но в то же время появился бы реальный механизм использования этих средств, которые поступают в экономику и которые сейчас нередко рассматриваются как бедствие.

Подготовил
Г. Ю. КАНАРШ